

В настоящее время в Дашао во всех слоях общества от верхушки до простого народа были две важные шокирующие новости.

Во-первых, король Турфана привез в Дашао непревзойденное, редкое и драгоценное национальное достояние — Турфанскую мускатную дыню — чтобы сделать предложение и взять в жены в качестве своей королевы младшего брата императора, двенадцатого принца Сун Шо, которому в этом году исполнилось шестнадцать. В результате Сун Шо поднял эту непревзойденную, редкую, драгоценную мускатную дыню и разбил ее о голову короля Турфана со словами: "Отвали!" Все жители страны аплодировали, поднимали вверх большой палец со словами: "Наш маленький принц невероятно крут!"

Король Турфана не сдался, упорно продолжая осаду: чем больше препятствий, тем больше отваги. Сейчас он в Дашао, преследует весь день напролет скрывающегося от него двенадцатого принца, раздражая того до такой степени, что он едва ли не сошел с ума.

Другая новость была еще популярнее. Вот именно. Поздравляем, дорогие почтенные читатели, вы наконец-то угадали. Речь идет о секс-скандале, о незаконной любви между императором и помощником министра обрядов.

Были ли это высшие чиновники императорского двора или простолюдины: весь народ — верхи и низы, мужчины и женщины, старые и молодые — все говорили на две темы. В свободное послеобеденное время они обычно болтали о том, что, по слухам, мускатная дыня Турфана невероятно ароматная, сладкая и очень сочная, а затем в вечернее время, после ужина, за чаем, шептались о серии самых громких сексуальных скандалов императорского двора, о прелюбодеянии между монархом и его подданным.

Под мирным солнцем во времена всеобщего процветания давно не случалось никаких необычных событий. Поэтому эти две новости увлекали и наполняли сердца людей восторгом! По сравнению с историей двухлетней давности, когда была обнародована картина с изображением обнаженного ученого Лу Чуюнь, эти события были еще более будоражащими и волнующими.

Что?! Дочь соседки сбежала со своим любовником? Ну и дела, но что в этом такого особенного, ведь новости об императоре и помощнике министра обрядов важнее, верно?!

Чувства императора и его жизнь не ограничивались отношениями с одним человеком, была еще императорская семья, императорский двор, многочисленные обыватели Дашао, наблюдающие с широко открытыми глазами и обсуждающие дела государства.

Мужчина в паре с женщиной нарушали гармонию небесных принципов Инь и Ян, но в Дашао это не считалось таким уж большим преступлением, которое нельзя игнорировать. Благоденствующий век общего процветания дошел до того, что появились мужчины, которые брали в жены других мужчин. Но что касается императорского двора, то это бы нарушило праведный порядок общества, поэтому их брак не мог быть юридически признанным. Однако это не влияло на мнение людей, которые развивали эту тему: пока ты согласен и я готов,

почему бы не жить в радостно и счастливо? Не нужно безжалостно ломать уток-мандаринок*, просто позвольте им жить в гармонии.

[П\п: *утки-мандаринки — символ любящей пары, верности].

Но до Сун Ю в Дашао уже имелась череда императоров, которые никому не присваивали титул шанцзюнь. Все делали предположения: позволит или не позволит император Дэчжи восемнадцатого поколения занять эту должность Ли Цунцину?

Надо сказать, Ли Цунцин не хотел сообщать общественности о своих романтических отношениях с императором вовсе не потому, что Небесный глава не соглашался с любовью между двумя мужчинами, тем более, вовсе не потому, что хотел поддерживать праведные обычаи общества — это было просто из-за его любви к лени и страхом перед неприятностями. Если бы он стал шанцзюнем, у него бы больше не было прежней свободы или возможности неторопливо проводить дни. Каждое движение и каждое действие шанцзюня оказалось бы в центре внимания, и он стал бы объектом сплетен всех людей.

Итак, Ли Цунцин, именно так, как и ожидал император, действительно сбежал. Нет, по правде говоря, он должен был скрыться, спрятавшись в задней пристройке особняка губернатора Эрхе.

Можно сказать, Ли Цунцин был последним человеком в Дашао, который узнал об этом сексуальном скандале. Когда он вместе с Вэй Сяомяо покинул Чунань и навестил Эрхэ, молчаливый Ли Цунсюань при виде его даже не произнес слов приветствия, холодно бросив фразу:

— Твой секрет раскрыт.

Что раскрыто? Ли Цунцин был в растерянности какое-то время.

— Какой секрет?

— Роман между императором и помощником министра обрядов.

— Э?! — лицо Ли Цунцина радикально переменялось. — Не может быть...

— Ты думал, что сможешь скрывать это?

— Ты уже сказал старшему брату?

— Нет, но он пронзительнее лисы, неужели ты думаешь, он мог об этом не знать? Раньше всего несколько человек были в курсе, теперь же известно всем без исключения, — в конце

концов Ли Цунсюань бросил ему книгу под названием "Тайна мира".

Эта книга была очень популярна. Она специализировалась на освещении различных новостей обо всех известных и эксцентричных людях, а также о странных вещах, в частности, там публиковались критика, различные сплетни и горячие новости. Она публиковалась раз в месяц и продавалась по всей стране. На этот раз на обложке был огромный заголовок: "Тайная связь помощника министра обрядов раскрыта!"

Словно гром грянул: в одно мгновение в голове Ли Цунцина все перепуталось, а зрение затуманилось — выражение его лица стало ужасным.

Он привык, что его отношения с императором всегда были тайными, и он не был готов морально, когда их роман неожиданно раскрылся. Ненароком вытащенный на солнечный свет, на долю секунды он испытал ужасную иллюзию, будто был пойман на месте преступления, а затем нагишом выставлен на улицах. Раньше, когда он находился в столице, он часто тайно встречался с императором, но ничего не происходило. Почему, как только он уехал, все просочилось наружу?

Даже если его избьют почти до смерти, он все равно не признается в этом!

"Правильно, даже если мне придется умереть, я никогда не признаю этого! В конце концов, император тоже не признает", — Ли Цунцин решил яростно отрицать все до самого конца. Тем не менее, впоследствии он услышал, что император собственной персоной, столкнувшись с матерью-императрицей, признался и рассказал всю правду, что между ним и помощником министра обрядов действительно имелись такого рода отношения. Ли Цунцин совершенно не понимал, как ему следует реагировать.

А-ах-х-х-х-х!.. Почему он должен был это признать? Этот человек — император, который мог перенести все что угодно, но он всего лишь маленький помощник министра — будет невероятно, если его не освежают заживо! Хотя это не вопрос жизни и смерти и не дело государственной важности, но в этот момент Ли Цунцин впервые узнал, что такое паника. Подумать только, в тот год, когда он был начисто съеден императором, он совершенно не чувствовал себя настолько растерянным, сейчас же он прятался под одеялом, не смея встречаться с людьми целыми днями.

После того как Ли Цунцин свил гнездо, он находился там почти полмесяца. За исключением тех моментов, когда он удовлетворял основные физиологические потребности, его ноги практически не касались земли. Он высыхал и снова покрывался потом. Он не хотел переживать, не хотел думать, не хотел чего-либо — просто желал спать, чтобы умереть.

Однако Ли Цунцин не мог не разрываться от растущей сильной, настойчивой тоски: он скучал по далекому, находящемуся на другом конце света возлюбленному, изнывал так сильно, что его сердцу становилось больно. Как бы ему ни хотелось вернуться к этому человеку, к сожалению, у него не хватало сил и мужества взглянуть в лицо реальности — при мысли, что ему придется столкнуться с вопросами в глазах людей, он раздражался до смерти.

— Ли Цунцин, как долго ты собираешься кутаться в одеяло? — спросил Ли Цунсюань, не скрывая своего отвращения.

— Хорошо, если я смогу гнеститься до самой смерти, не обращай на меня внимания. Оставь меня в покое, — сдавленный, удрученный голос донесся из-под из хлопкового одеяла. Тот, кто любил поспать, после того, как спрятался там, стал до крайности раздраженным, подавленным.

— Второй брат, если ты не выйдешь погреться на солнце, ты станешь червяком, — Сун Си, обнимающая одной рукой своего маленького сына и удерживающая другой рукой старшего сына, вошла в комнату, дразня его.

— Вставай. Кое-кто пришел тебя проведать, — холодно сказал ему Ли Цунсюань.

— Разве я тебе не говорил, что не хочу никого видеть?

— Ты не можешь не увидаться с ним.

— Я сказал, что не хочу встречаться.

— Жун'эр, иди попроси второго дядю выбраться из постели, — сказала Сун Си, отпуская старшего сына.

— Да, — трехлетний ребенок радостно набросился, подскочил и запрыгнул на гору из стеганого одеяла, похожую на барабан. Он весело кричал и прыгал. — Второй дядя, второй дядя, вставай! Быстро вставай!

Из-под груди хлопкового одеяла раздался болезненный стон. Ли Цунцин не выдержал топтания лягушки и, наконец, вытянул голову, умоляя о пощаде:

— Жун'эр, пожалуйста, больше не прыгай. Ты чуть не расплющил своего дядю своими прыжками!

— Второй брат, вставай быстрее. Ты никак не можешь отказаться встретиться с этим человеком, — добавила Сун Си.

Похоже, если он не встанет, его не отпустят. Ли Цунцин тяжело вздохнул, с трудом поднялся и слез с кровати, не спеша стал одеваться.

— Кто хочет меня видеть?

— Второй дядя, это дедушка по материнской линии! — ответил вместо своих родителей Ли Южун.

Дедушка маленького племянника по материнской линии, отец Сун Си... ээ, разве он не отец нынешнего императора — Тайшан Хуан*?!

[П\п: Тайшан Хуан — отец правящего императора, передавший при жизни свой титул сыну].

Ли Цунцин был ошарашен.

— Быстро идем, — Ли Цунсюань дернул его, чтобы тот шевелился.

Неохотно и с недовольством он вышел из комнаты. Долгое время не видевший яркого солнечного света, он ослеп на какое-то время, его глаза заболели, из них почти потекли слезы. Частично толкая, частично волоча, его довели до внутренней стороны двора поместья. В придорожном павильоне сидел человек лет пятидесяти, элегантный, с внушительной и достойной осанкой. Вэй Сяомяо стоял рядом и разговаривал с ним.

Нужно сказать, что в тот год, когда третьему принцу Сун Ю исполнилось семнадцать, император Вэньчжи объявил, что отрекается от престола и передает власть сыну. После успешно проведенной торжественной церемонией отречения от престола новому царствующему императору был присвоен титул Дечжи, а после, легко, рука об руку с императрицей Тайшан Хуан отправились посетить обе стороны реки Янцзы*. Они возвращались во дворец очень редко. Поэтому Ли Цунцин никогда раньше не встречался с отцом императора, тем не менее, без долгих раздумий, он сумел распознать, что находящийся в павильоне мужчина — человек высокого статуса.

[П\п: *"обе стороны реки Янцзы" — означает обширную территорию, т.е.они побывали везде].

— Дедушка! Дедушка! — набросился на него малыш, показывая свою избалованность этим поступком.

Ли Цунцин колебался и не двигался вперед, почувствовав, как от такого начинает болеть голова. Ли Цунсюань просто толкнул его, чтобы он вошел в павильон. Ему ничего не оставалось, как согнуть колени и из вежливости сделать поклон со сложенными руками:

— Этот презренный подданный приветствует...

— Здесь все свои, не нужно лишних церемоний, — остановил его Тайшан Хуан и помог подняться. Он разглядывал его с улыбкой.

Большая капля холодного пота скатилась со лба Ли Цунцина. Это... у него на самом деле было выражение лица, с каким свекр смотрит на невестку... Тайшан Хуан, должно быть, специально

приехал посмотреть, как выглядит тайный любовник его сына.

— Идем, посидим, поговорим, — Тайшан Хуан попросил всех сесть, взяв на руки Сун Южуна* и посадив его на колени. В манере пожилого человека он непринужденно болтал о повседневной жизни семьи. Что касается сексуального скандала, то он не поднимал эту тему. Его глаза внимательно следили за Ли Цунцином.

[П\п: *тут нет ошибки, даже в оригинале его называли Сун, а не Ли].

Даже если Ли Цунцин не казался встревоженным и взволнованным, и его лицо также выглядело беззаботным и расслабленным, как и всегда, на самом деле ему было очень некомфортно от того, что его осматривают с головы до ног. Но он не мог найти предлога, чтобы покинуть свое место, ему только и оставалось, что молча сидеть и слушать их праздную болтовню.

— Си'эр, среди своих братьев и сестер, ты самая своенравная. Ты Чтобы твой брат дал согласие на брак, ты захотела, чтобы он отменил титул принцессы и понизил тебя до простолюдинки, и в конечном счете ты без разрешения покинула дворец. Скажи, есть ли где еще такая смелая и безрассудная принцесса? — Тайшан Хуан с улыбкой критиковал ее, на его лице не было ни капли ярости.

— Отец, вот что называется отправляться на край света ради любви, — Сун Си совершенно не признавала своей вины. — Цунсюань сказал, что он предпочел бы быть монахом, чем беспокойным зятем императора. Поэтому твоей дочери лучше больше не быть принцессой.

— Упрямая девчонка!

— Мы семья Сун — кто из нас не упрям? Однажды приняв решение, мы никогда не оставим другого до конца жизни. Это не изменится, пока мы не умрем, — сказала Сун Си. Вдруг она посмотрела на Ли Цунцина, спросив: — Второй брат, что думаешь? Разве это неправильно?

— А? Да... — Ли Цунцин рассеянно согласился, его фамилия была не Сун, она не должна была его спрашивать.

— Увы, мой третий брат действительно жалок. Он уверен в другом человеке, но тот человек не уверен в нем. Его терпение выше, чем у меня, — Сун Си глубоко вздохнула. — Он император, если его обидели, он не может сказать этого людям. Если есть проблема, он не может ни убежать, ни спрятаться. Печаль можно только проглотить. Вот поэтому, что хорошего в том, чтобы быть императором. У него нет свободы жить, как у простых людей.

Мгновенно Ли Цунцин почувствовал как ее слова вонзились в него, словно нож. Его сердце, огорченное до предела, забилося от боли.

В прошлом он всегда думал только о себе, очень редко задумываясь, что в действительности у Сун Ю было в мыслях и в сердце. Ли Цунцин всегда полагал: раз он император, то нет ничего, что он не мог бы сделать, оставаясь незабываемым, и упустил из виду, что император — тоже человек и тоже имеет свои слабости. Стоять на вершине невыносимо холодно, кроме того, по сравнению с обычными людьми, он был более изолирован, лишен какой-либо поддержки.

"Когда цветы на дороге расцветут, можешь не спеша возвратиться".

Когда Ли Цунцин покидал столицу, император пристально вглядывался в его лицо, а также мягко произнес эти слова на ухо.

Сун Ю предсказал заранее, что такое может произойти? Так называемые распустившиеся цветы относились к их раскрытой тайне?

Спрятавшись на какое-то время, Ли Цунцин не мог спрятаться на всю жизнь. Двум людям в конце концов пришлось бы столкнуться с этой проблемой. Император заранее выставил его из центра бури, не позволив ему страдать, взял на себя бремя огромного давления от распространившихся и приукрашенных историй и злобных сплетен.

Как мог Ли Цунцин не понять. Его возлюбленный император всегда очень любил его, защищал, а также слишком хорошо понимал его характер. Знал, что если бы он остался в столице, наверняка у него не осталось бы никакой возможности спокойно это обдумать, возможно, он бы не раздумывая сбежал. Он всегда был нерешительным и трусливым человеком, не так ли?

Если вдумчиво заглянуть в прошлое, он всегда наслаждался за счет своего возлюбленного, свободно тратил нежность и внимание, которыми тот его одаривал, и, таким образом, стал испорченным, отвратительным человеком... "Ай-ай, император в данный момент совсем один в столице с этим тяжелым бременем на плечах, будет ли он страдать? Будет ли он винить меня за мое опоздание, винить меня за то, что я не стою рядом с ним, чтобы разделить ответственность?"

Ли Цунцин подумал еще раз и не смог не испытать отвращение к самому себе. Он почувствовал себя ужасным эгоистом.

"Просто возвращайся, когда захочешь".

Молча поразмыслив некоторое время, Ли Цунцин, наконец, принял решение, его сердце подсказало ему, что он должен вернуться домой.

— Я... — он поднял голову и посмотрел на Тайшан Хуана.

— Что такое? — тепло посмотрел на него тот.

Не зная, как правильно это сказать, Ли Цунцин просто поднялся и поклонился, сложив руки:

— Искренне прошу извинить, этот скромный подданный должен откланяться.

— Второй брат, куда ты хочешь пойти?

— Я хочу вернуться домой, — сказал Ли Цунцин, он ушел быстрыми шагами с очень редкой скоростью для себя.

Вэй Сяомяо также деловито выразил уважение отставному императору, а затем поспешно последовал за ним.

Оставшиеся три человека внутри павильона пожали плечами, некоторые из них улыбались, но никто из них не остановил шаги внезапно увидевшего свет мужчины.

Ли Цунцин шел очень быстро. Его сознание постепенно прояснилось и успокоилось.

Он всегда считал, что не настолько сильно одержим этими отношениями, чтобы проливать на них свет. В глубине души он полагал, что если однажды Сун Ю перестанет любить его, то он не станет слишком печалиться и убиваться от горя, а также не будет слишком смущен, так как мало кто знает об их любви.

Но сегодня он хорошенько все обдумал и внезапно осознал, что оказывается, их отношения волновали его гораздо больше, чем он представлял, волновали настолько сильно... он не хочет его потерять, он не должен его потерять!

Ли Цунцин понял, что такова его судьба: он до конца своей жизни не в состоянии оставить этого человека. Рыба не может жить отдельно от воды — так и он, подумалось ему, однажды отделившись, вероятно, увянет и умрет.

Вернувшись в свою комнату, он поспешно упаковал свой багаж. Перед тем, как Ли Цунцин сел в повозку, он сказал Вэй Сяомяо:

— Сяомяо, хоть я не очень хорошо разбираюсь в том, что происходит между тобой и седьмым принцем, тем не менее, я все же хочу вставить слово: не будь таким, как я, не сбегай и не трусь.

— Господин Ли...

— То, что ты заслуживаешь иметь, ты должен крепко схватить и удержать. Если хочешь чего-то — смело и решительно добивайся этого. Не стоит останавливаться из-за страха или чувства неполноценности, — Ли Цунцин хлопнул его по плечу и искренне добавил: — Сяомяо, ты, как

и любой другой, заслуживаешь того, чтобы обрести человеческое достоинство, более того, ты заслуживаешь счастья.

Вэй Сяомяо помолчал некоторое время, его глаза сверкнули решимостью.

— Господин Ли, пожалуйста, возвращайтесь в столицу один. Этот недостойный слуга хочет отправиться в Чунань.

— М-гм, поезжай.

— Прошу вас, будьте осторожны во время пути. Берегите себя!

— Ты тоже.

Обменявшись взглядами с улыбкой на устах, они молча от всего сердца пожелали друг другу благополучия.

Таким образом, два человека пересекли дорогу между прошлым и настоящим. Каждый отправился в погоню за счастьем, которое принадлежало только ему.

— Вы можете быстрее? — Ли Цунцин часто поторапливал извозчика, ему очень хотелось отрастить крылья, чтобы вернуться домой.

— Господин, это уже и так быстро. Если ехать быстрее, то повозка обязательно развалится на куски! — возница уже старательно подстегивал двух своих несчастных коней, они летели, как сумасшедшие.

Сначала Ли Цунцин хотел поехать на лошади, чтобы добраться быстрее, однако его навыки верховой езды были крайне печальными. Кто знает, не переломал бы он уже на полпути руки и ноги от падения или не свернул бы шею еще до того, как добрался до столицы? Хоть ему и не терпелось вернуться, все же гораздо безопаснее было послушно сидеть в повозке.

Сидя там, он одно за другим перебирал в воспоминаниях разные события, которые происходили между ним и императором. Наконец, он вспомнил о случившемся после той самой ночи шесть лет назад. Несмотря на то, что его раздели догола и полностью съели, последующее все еще оставалось нерешенным. Будет ли он с императором, став императорским... мужчиной-фаворитом?

С самого начала он намеревался войти во дворец в качестве чиновника и просто спокойно и расслабленно присутствовать там, как он мог ожидать, что ни с того ни с сего переместится в

постель императора? Действительно, такая сложная и причудливая штука!

Он вспомнил тот день перед рассветом, когда небо еще не стало ярким. Поскольку он обычно присутствовал на утренних аудиенциях, у него выработалась привычка просыпаться в определенное время, независимо от того, во сколько он ложился. Но он все равно продолжал лежать в постели, пока слуга не приходил его будить, и тогда он мучительно вставал.

С закрытыми глазами, находясь в полусонном состоянии, он коснулся рукой чего-то теплого и гладкого... Что они положили в его кровать? На ощупь это было довольно удобно.

Из-за ласк то тут, то там император встревожился и проснулся. Поймав руку, которая легко воспламенила его, он прошептал:

— Еще рано, поспи немного.

— М-м-м... Сяо Гоцзы, позже не забудь разбудить меня...

"Он принял меня за слугу поместья?" — император улыбнулся.

— Да.

— Ваше Величество, пора одеваться, — Вэй Сяомяо уже стоял рядом с кроватью, ждал, чтобы прислуживать.

Император подогнул одеяло для мужчины, который все еще оставался в постели, прежде чем приподнялся, спустился с кровати, позволив Вэй Сяомяо служить ему, пока он умывал лицо, полоскал рот и переодевался.

Через некоторое время Ли Цунцин рассеянно пробормотал:

— Сяо Гоцзы, время уже пришло?

— Нет. Поспите еще немного, — ответил Вэй Сяомяо.

— Сяо Гоцзы, почему сегодня у тебя два голоса... — его речь постепенно стала слабее, он снова заснул.

Император повернулся, поцеловал его в губы, приказал людям, которые остались, прислуживать Ли Цунцину, когда он проснется, а затем ушел.

Ли Цунцин наполовину спал, наполовину бодрствовал, и когда его разум, наконец, прояснился,

небо уже было туманно-ярким. Моргая глазами, он воскликнул:

— Ах! — подскочив, он сел.

Он приподнял одеяло и спрыгнул с кровати. Внезапно он почувствовал легкий холодок и, опустив голову, увидел, что совершенно голый. Эх, почему он вчера пошел спать без одежды? Неправильно! Где это он?

Снова моргнув, чтобы лучше видеть, Ли Цунцин понял, что он не дома. Стоило ему вспомнить, что вчера он остался во дворце, как его щеки невольно покраснели от жара.

— Господин, вы встали? Слуги войдут, чтобы обслужить вас, — кто-то произнес перед входом в комнату.

— Нет необходимости. Не входить! — Ли Цунцин деловито взял висевшую на ширме одежду чиновника и, аккуратно одевшись, поспешно открыл дверь.

— Господин, пожалуйста, умойтесь, — двое дворцовых слуг стояли за дверью и держали в руках свежую воду.

Ли Цунцин небрежно умылся, прополоскал немного рот и выбежал прямо так. На ходу он завязал свою шляпу чиновника и застегнул пояс должностного лица.

В зале уже начали обсуждать официальные дела. Он низко наклонился и на цыпочках тихо вошел. К счастью, его место было в дальнем конце близко к двери, он не потревожил остальных.

Драконье кресло императора находилось выше других, конечно, он увидел, как тот тайно вошел. Император не понимал и размышлял про себя, зачем тот так настаивает на посещении зала аудиенции? Идея присвоить ему титул шанцзюнь стала еще сильнее, но в конце концов он сдержался. Император не хотел заставлять Ли Цунцина делать то, что он не хочет. Но, конечно, за исключением происходящего в постели.

При воспоминании о вчерашнем первом сексуальном контакте он невольно ощутил прилив жара во всем теле. Сун Ю вовсе не был человеком, потакающим плотским желаниям, но Ли Цунцин пробудил в нем никогда прежде не испытываемую огромную жажду. Император захотел обнять его, крепко поцеловать, глубоко войти и снова, раз за разом таранить... при мысли об этом, он слегка вздрогнул, волна приятного электрического тока пронзила нижнюю часть живота.

— Ваше Величество, Ваше Величество? — пожилой высший министр тихо окликнул невнимательного императора.

— Этот вопрос, дайте подумать об этом снова, — император сосредоточился. Половина его внимания была в зале, другая половина — на Ли Цунцине. Обсудив несколько дел, он просто закончил заседание.

Ли Цунцин вернулся в Министерство обрядов в раздраженном и тревожном состоянии. На стул он мог садиться только бочком, опираясь на одну половину ягодицы. Он садился и снова вскакивал, как будто на поверхности были булавки и иглы: невозможно было сидеть и неудобно было стоять. Пожилой министр, увидев его лицо странного цвета, и тело, которому, казалось, было не очень комфортно, позволил ему уйти отдыхать пораньше.

Когда император попросил Вэй Сяомяо вызвать Ли Цунцина, тот уже покинул дворец. Вэй Сяомяо доложил, спросив императора, нужно ли ему сходить в поместье Ли и забрать его обратно, но тот ответил, что в этом нет необходимости, подумав про себя, что это даже к лучшему, что он ушел домой. Если бы Ли Цунцин оказался в пределах его досягаемости, император бы думал только о том, как затащить его в постель и совершить с ним и то, и это. Только так он бы полностью сексуально удовлетворился.

Качая головой, он насмеялся над собой: это первый раз, когда он тосковал по человеку подобным образом — такого никогда не случалось с ним раньше. Он искал что-то новое? Или он действительно влюбился? Независимо от того, что именно это было — это не просто мгновенный внезапный импульс.

Довольно. Это редкий шанс в его жизни, когда он может делать что-то спонтанно, без тщательных раздумий, просто отдавшись природе. Только и нужно, чтобы Ли Цунцин не отказывался изо всех сил от императорской милости, и тогда он сможет получить невыразимое словами удовольствие. Так что не нужно давить на него слишком сильно, чтобы он не сбежал от страха, не стоит намеренно усложнять ситуацию.

После того как Ли Цунцин вернулся домой, он сразу лег в постель и закутался в одеяло, чтобы устроиться поудобнее. Он хотел спать, но не мог. Его голова была полна сумбурных мыслей, он хотел подумать обо всем, но понятия не имел, что и думать.

Ли Цунинь услышал от своего подчиненного, что второй господин пришел домой при дневном свете, и быстро вернулся из своей торговой компании. Став более опытным в своей профессии, он спросил, зная ответ:

— Второй брат, вчера ты остался во дворце, не так ли?

— М-мм, — злой, но бессильный, тот мрачно ответил.

— Чем ты занят? Я заметил твою усталость, хочешь я попрошу кого-нибудь приготовить миску черепахи с мягким панцирем, чтобы укрепить твои силы?

— Я не ем черепах.

— А-и-и-и, иногда ты должен есть черепах, даже если ты их не ешь. Я как твой старший брат беспокоюсь, что твои почки будут плохо работать.*

[П/р: *в китайской медицине считается, что слабые почки, в том числе, влияют на сексуальное желание и потенцию у мужчин. Черепаховый суп ценили как "тонизирующее средство", которое, как полагали, положительно влияет на половые функции].

— Это у тебя слабые почки! — не в силах сдержаться Ли Цунцин вытянул голову и свирепо уставился на него. Его вытянувшаяся голова немного напоминала черепаху с мягким панцирем.

Глядя на Ли Цуниня, чье лицо расцвело в чрезвычайно отвратительной и зловещей улыбке, будто он мог видеть все насквозь, Ли Цунцин чувствовал, что у него не слабая почка, а слабое сердце. Событие прошлой ночи было, несомненно, абсолютным секретом. Если бы речь шла только о неподобающих сексуальных отношениях между мужчинами, то это было бы просто. Однако один мужчина был нынешним Сыном Небес. Если говорить откровенно, то драгоценный, нежный задний двор младшего брата был лишен девственности прошлой ночью, как Ли Цунинь и хотел: дать великому и могучему, мудрому и блестящему Его Величеству императору лишиться его девственности — а значит, безусловно, это могло чрезвычайно позабавить этого бессердечного дьявола! Тц!

Ли Цунцин вжал голову обратно в оболочку, не в настроении разбираться с хозяином семьи Ли, который безоговорочно продал своего младшего брата ради величия. Он продолжил сжиматься, как черепаха, втягивая голову и ноги в одеяло. Вздох, очень раздражает... забудь об этом, было бы лучше сначала поспать, а потом подумать. Он больше не хотел ни о чем думать. Его голова разрывалась из-за слишком большой нагрузки. Он по-прежнему мечтал о неторопливо тянущихся сотнях лет жизни!

Несмотря на волнение и суетливость, он все еще мог спать, как обычно, иначе он не был бы Сонным помощником министра.

Проспав целый день, на следующее утро Ли Цунцин отправился во дворец, чтобы, как всегда, присутствовать на утреннем заседании, упорно не желая отсутствовать без уважительной причины.

Сначала он думал, что император позовет его, и беспокоился целый день, но не получил никакого уведомления. Второй день, третий день — точно также. Император, казалось, забыл о его существовании.

По логике вещей, Ли Цунцин должен был ощутить себя счастливым и вздохнуть с облегчением. Но он слегка разочаровался, как будто что-то потерял. Во время заседания он даже не дремал, а стал рассеянным. Снова и снова он тайком поглядывал на человека, сидевшего на самом высоком месте, неожиданно ожидая, что тот его немного заметит. Однако тот не удостоил его даже взглядом.

Вот так безразличие императора к нему продолжалось до шестого дня. В сердце Ли Цунцина неосознанно поднялся безымянный гнев. Он сказал себе, что у императора действительно имелся лишь сиюминутный интерес попробовать что-нибудь свеженькое и новенькое, но в результате он осознал, что Ли Цунцин совсем невкусный, и как только он спустился с драконьего ложа, он легко забросил его в угол сознания, полностью забыв о нем.

"Ай-ай, отлично! Просто рассматривай это как одну из сцен странного весеннего сна". В конце концов, он был мужчиной — за исключением того, что он испытывал невыразимую обиду, его тело не потеряло даже маленького куска плоти, в отличие от женщин, которым нужно было ставить свое целомудрие и репутацию превыше всего и в результате совершать самоубийство. К тому же, получить что-то — не то же, что потерять. То, что так случилось, тоже было неплохо.

На седьмой день волнение в душе Ли Цунцина уже улеглось, после чего он намеревался вернуться к своему прежнему спокойному, как тихая вода, состоянию. Не думать об этом и не поднимать вопрос об императоре вновь в своем сердце. Он продолжал с небрежностью влачить свои дни, хотя в глубине души у него все еще была толика разочарования и тоски.

С другой стороны, в эти несколько дней лицо императора, казалось, ничем не отличалось от обычного: навсегда лишенное каких-либо отчетливых эмоций, никогда не позволяющее людям увидеть его истинные чувства.

На самом деле, император знал о каждом движении и поступке Ли Цунцина, видел, что тот, как всегда, посещает заседания, и с каждым днем его жажда и желание становились все сильнее. Усилием подавляя их, он не вызывал его к себе. С одной стороны, он жаждал предаться желанному удовольствию, с другой стороны, он хотел дать Ли Цунцину больше времени все обдумать и приспособиться к ситуации.

Из-за этого император часто оказывался невнимательным, независимо от того, обсуждал ли он вопрос в зале аудиенции или управлял государственными делами в императорском кабинете, настолько, что, прогуливаясь в императорском саду, он подолгу смотрел на великолепно распустившуюся китайскую розу.

Так продолжалось до восьмого дня, когда император должен был отправиться в храм Байху, чтобы поклониться Будде и почтить предков. Министерство обрядов отвечало за обычаи и церемонии императорской семьи, естественно, он вызвал помощника министра обрядов, чтобы тот сопровождал его, не позволив другим высокопоставленным чиновникам и дворянам последовать за ним.

Храм Байху находился недалеко от дворца. Между ними пролегла дорога. Император ехал в императорской карете, Ли Цунцин, сопровождающий его, согласно обычаю, должен был идти позади. Но император сделал исключение и предоставил ему паланкин рядом со своей каретой. В прошлом такой чести путешествовать вместе удостаивалась только императрица. Однако поскольку среди придворных, сопровождающих их, Ли Цунцин занимал высшую официальную должность, никто не осмеливался возражать против этого исключения.

Первоначально подготовленное сердце Ли Цунцина было спокойным и холодным, но он ничего не мог поделать, когда сердцебиение участилось. Золотой паланкин был на полфута ниже императорской кареты, стоило только слегка повернуть голову, и он сразу мог увидеть профиль монарха. Но голова и Цунцина была опущена, и он все время не осмеливался поднять ее и еще больше не смел смотреть на императора.

Паланкин слабо качало в разные стороны, несмотря на беспокойное сердце, это покачивание казалось ужасно удобным. Уже на полпути его веки невольно сузились, и он снова задремал.

Император заметил, как его голова откинулась влево, кивнула вправо — опасаясь, что мужчина упадет с паланкина, он позвал его:

— Ли Цунцин.

— М-мм? — открыв затуманенные глаза, Ли Цунцин бессознательно устремил свой взор на того, кто его звал.

Император смотрел на него с улыбкой на губах. Этот затуманенный сонный взгляд казался ему чрезвычайно милым. Он никогда не встречал никого, кто любил бы спать больше, чем он сам, и очень редко упускал возможность вздремнуть.

— Что приказывает Ваше Величество? — Ли Цунцин суетливо собрал свой сокрушенный дух, покорно опустил лицо и глаза.

— Возлюбленный министр, в последнее время, когда ты наблюдаешь за звездами, ты находишь какие-либо исключительные конфигурации среди них?

Ли Цунцин на какое-то время остолбенел. С каких это пор он стал "возлюбленным министром" императора, и почему он ничего об этом не знал?

— Ответ Вашему Величеству: скромный подданный уже много дней не видел звезд.

— Хе-е-е... Неудивительно, что ты не задремал во время утреннего заседания, — тихо рассмеялся император и как бы между прочим сказал: — Чиновник Си Мин из Министерства астрономии видел, что звезда моего красного феникса* тайно двигалась.

[П\п: *красный феникс — это звезда привлекательности, удачи в личной жизни].

Ли Цунцин тупо смотрел на него и не понимал слов. Маленький олененок в животе начал дико двигаться вопреки его желанию. На что намекал ему император? Почему он почувствовал, что сердцебиение стало еще быстрее?

Император увидел, что щеки Ли Цунцина покраснели, на лице проступило изумление, казалось, что он понимает и не понимает. Это было настолько мило, что ему очень захотелось затащить его в императорскую повозку, подержать его в объятиях, а потом сразу же внутри сделать и то и это, чтобы выразить сдерживаемые за последние дни страсть и желание.

Несколько дней назад император заметил, что Ли Цунцин который день не дремлет во время утреннего заседания, его состояние, казалось, было беспокойным. По сути, он не был тем, кто хорошо скрывает свои чувства, и не мог утаить тревожное беспокойство, легкую грусть, нить утраты. Хотя император казался равнодушным, но он ясно все понимал.

В качестве испытания хорошо было оставить его, чтобы он тоже себя правильно понял. Император, по крайней мере, мог видеть, что Ли Цунцин той ночью был с ним не от беспомощности и принуждения, в большей или меньшей степени он тоже был согласен. Так император ощутил, что тосковал не только по телу Ли Цунцина — он тосковал по его сердцу. Если бы тот был женщиной, думал император про себя, то он наверняка пригласил бы его во дворец и даровал бы ему титул императорской наложницы.

К сожалению, Ли Цунцин был настоящим мужчиной. Невозможно было сделать его императрицей или наложницей. Он мог бы дать ему титул шанцзюнь, но тот также не соглашался. Единственный способ — заставить его оставаться рядом.

Он — император, зачем ему тратить слишком много сил на размышления, если он хочет человека? Чего бы он не мог получить по своему указу? Но получать что-то силой было не в его духе. Он не хотел заставлять беспомощного подчиненного повиноваться. Он хотел, чтобы Ли Цунцин сам, от всего сердца был готов быть с ним.

"Ли Цунцин, Ли Цунцин... знаешь, сколько я думаю о тебе?"

<http://bllate.org/book/15018/1327369>